

Влада Ольховская

Черная гончая

Влада Ольховская
Черная Гончая

«Влада Ольховская »

2021

Ольховская В.

Черная Гончая / В. Ольховская — «Влада Ольховская », 2021

После несчастного случая Ульяна обнаруживает, что связана с загадочным миром, непредсказуемым и пугающим. Он не оставляет ее в покое, то утягивая к себе, то вторгаясь в ее привычную жизнь. Просить о помощи бесполезно: Ульяне всего 16, она – инвалид детства, и окружающие считают, что она просто пытается привлечь к себе внимание. Ульяна вынуждена справляться с испытаниями, которые свели бы с ума даже человека старше и опытнее. Но только у нее начинает получаться, как она сталкивается с черной гончей. По легенде, если черная гончая выбирает кого-то, она не остановится ни перед чем, пока жертва не будет уничтожена.

© Ольховская В., 2021

© Влада Ольховская , 2021

Содержание

1	6
2	10
3	14
4	19
5	24
6	30
7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Влада Ольховская

Черная Гончая

Лицензия на изображение предоставлена веб-сайтом Shutterstock.com, фото – Jozef Kloracka

1

Мое падение стало не самой большой проблемой.

Хотя падение с лестницы само по себе – то еще удовольствие. Одна звезда из пяти, не рекомендую. Да я и сама пропустила бы такую забаву, что уж там! Но нельзя сказать, что этот полет валькирии стал шоком. Нет, в то, что я умудрилась грохнуться с лестницы, без труда поверили бы все, кто меня знает.

Во-первых, я не самый грациозный человек в мире. Не совсем уж полено на льду, но и не балерина. С моими ногами, я вполне могла оступиться и полететь в ту жуткую мусть, которую почему-то называли цивилизованным словом «подвал». Во-вторых, и вот это по-настоящему важно, я невезучая. Серьезно. Я – тот человек, на очереди которого в любом заведении начинается перерыв. Перед тем, как я буду сдавать экзамен, препода в пятку попадет заноза и он начнет ненавидеть весь белый свет. Если над Землей вдруг пронесется аномальная волна энергии, все получают суперспособности, а у меня мобильник в кармане взорвется. Общая картина понятна.

Так что, пока я летела с лестницы, я, конечно, возмущалась капризами судьбы, да только без особого напора. Хотела избежать одних неприятностей, а получила еще большие! Но ничего, я справлюсь. Я всегда справляюсь. Главное – не переломать себе все кости, а там уже, приземлившись, буду разбираться.

Вот только я готовилась к падению с лестницы, а не к тому, что случилось со мной на самом деле.

Начать хотя бы с того, что мой полет длился гораздо дольше, чем должен был. Оступилась я на границе одного-единственного лестничного пролета, ведущего в подвал. Старые такие ступеньки, невысокие, гладкие, отполированные тысячами шагов, на таких сложнее удержаться, чем наверхнуться! Но плюс в том, что они низенькие, тридцать секунд страха – и все уже закончилось.

А я падала, как та Алиса в кроличью нору. Падение продолжалось! И если сначала я еще чувствовала весьма болезненные удары ступенек по ребрам, то потом все прекратилось.

Осталось только ощущение, что меня тянет вниз, прямо сейчас подо мной ничего нет и непонятно, когда будет.

Еще вокруг меня было очень темно – слишком темно! Дверь, опять же, рядом, за дверью – яркий свет. Его не хватило бы на весь подвал, но там, где я спикировала вниз, его было предостаточно. Даже когда я зажмурилась от ужаса, он все равно мелькал рядом со мной, пробиваясь через сомкнутые веки. И вдруг – ничего! Тьма, непривычная, незнакомая мне, как будто света не осталось во всей Вселенной.

Тут логично было бы предположить, что я потеряла сознание... Так нет же! Это, конечно, никак не докажешь, но я себя знаю! Я бы почувствовала хоть какое-то замутнение, а его не было. Все то время, что я кубарем катилась вниз, я понимала, что со мной происходит, никакая боль, никакой страх не могли это изменить.

Я не знала, чего ожидать, однако запаниковать так и не успела. Мое падение закончилось так, как, в общем-то, и должен заканчиваться полет с лестницы: я грохнулась на холодный пол, подняв вокруг себя грандиозные облака пыли. Ну, хотя бы все завершилось! Я не умерла, уже плюс. Остается понять, есть ли другие плюсы.

Несколько секунд я не двигалась – не решалась. Меня пугали мысли о том, сколько костей я могла переломать, и я боялась узнать наверняка. Но это так себе позиция – валяться на полу и трястись от страха. Пустяковый метод, ни к чему не приводит, я не раз проверяла. Пришлось собрать в кулак отвагу (а больше у меня ничего в кулак не собирается) и осторожно пошевелиться.

Новости были хорошие. Вроде как ничего не сломано – по крайней мере, все двигается. Болят ушибленные ребра, руки, ноги и спина. Так это как раз нормально! И терпимо. Переломы болели бы сильнее. Я могла двигаться, могла встать и хоть что-то сделать...

А других хороших новостей у меня для самой себя не было. Я оказалась все в той же крошечной тьме! Открытая дверь, мой единственный скудный источник света, просто исчезла.

При падении меня так помотало, что я уже не могла сказать, где она находится, а где нахожусь я.

Вариантов тут было два: либо дверь закрылась от сквозняка, либо ее захлопнули мои преследователи, которые решили, что это чертовски забавно. Но не могут же они быть настолько тупыми, правда? Даже в их крохотных головенках должна поместиться разница между школьным преследованием и вот этим! Они даже не знали, жива ли я, в сознании ли... Они не могли так поступить!

Значит, сквозняк. От этого легче, но не сильно. Я все равно в темноте, у меня ноет все тело, тут холодно и неудобно. Короче, надо выбираться! Я начала осторожно ощупывать пол вокруг себя, стараясь найти первую ступеньку. Если отыскать ее, дальше будет легко: ползи себе вверх по лестнице и радуйся, что никто не видит!

Но первой ступеньки не было, как, впрочем, и второй. Всей лестницы не было! До меня начало доходить, что и с дверью все не так просто. Она ж не новее лестницы, вся кривая и в трещинах! Если бы она просто захлопнулась, сквозь нее все равно пробивался бы дневной свет, его не погасишь.

А вот и сюрприз, нет света. Мое невезение только что вышло на новый уровень.

Паника, только-только отступившая, снова накатила на меня ледяной волной. Я оказалась непонятно где, непонятно как... Наверняка я знала только то, что подо мной каменный пол, покрытый толстым слоем то ли пыли, то ли сухой грязи. Негусто! Темнота полностью дезориентировала меня, с каждой секундой я все хуже чувствовала окружающее пространство. Разум шептал мне, что это ненормально. Спасибо, Капитан Очевидность, как будто я сама еще не поняла! Кто б мне подсказал, что делать дальше...

Я зажмурилась, стараясь сдержать слезы. При чем слез я не чувствовала, сделала так скорее по привычке: я, когда пугаюсь, всегда плачу. Но не в этот раз, и я снова открыла глаза, хотя в такой темноте это представлялось бесполезным.

Напрасно. За ту секунду, что я жмурилась, что-то изменилось. В подвале вспыхнул свет! Но он был таким же мутным, как вся ситуация. Ровный, тусклый, темно-красный, он лился непонятно откуда – и отовсюду сразу. Я теперь могла разглядеть над своей головой старые пыльные лампочки – как и то, что они не работали. Но свет же был! И мне его хватало.

Только вот от этого не стало легче. Я поняла, почему не смогла найти лестницу: она исчезла. Все, не было ее! Или это я откатилась так далеко? Потому что на моей памяти ни за одной лестницей не водилось привычки исчезать без следа!

Всюду хочется найти хоть какую-то логику, а если ее нет – придумать. Тогда мир становится не таким диким. Вот и я, сидя на полу, придумывала, что пошло не так. Картинка постепенно становилась более-менее ровной: я оступилась, упала с лестницы и покатила вниз по подвалу, потому полет и показался мне таким длинным. Да и незначительные травмы этим объясняются, на ровном полу покатиться сложнее, чем на лестнице.

Моя гениальная детективная теория подтверждалась еще и тем, что я, несомненно, находилась в подвале. Хотя какой же он был корявый! Серьезно, на звание школы года нам с таким подвалом лучше не претендовать. В моей предыдущей школе подвал активно использовался, там располагались кладовые и дополнительный гардероб. Но здесь он больше напоминал какую-то средневековую комнату пыток! Понурое помещение с очень низким потолком и темными стенами. Светильников нет, только лампочки на проводах, и на стенах тоже провода, половина – погрызенные крысами. По углам проглядывают трубы, ржавые, истекающие

крупными темными каплями... Бр-р-р, жуть какая! И воняет какой-то сыростью, плесенью, и чем-то еще, незнакомым и уж точно не приятным. Плюс красный свет, установленный везде и всюду. Это место смотрелось инфернальненько, и задерживаться мне никак не хотелось.

Если бы кто-то заметил мое падение, они бы уже пришли сюда – я сидела на полу и осматривалась достаточно долго. Но торопливых шагов не было, да и любых других тоже. Я оказалась сама по себе, и за свое спасение отвечала лично.

Я заставила себя подняться, хотя моя будущая коллекция синяков протестовала против этого, и двинулась вперед – наугад. Я ж по-прежнему не помнила, где лестница! Мне только и оставалось, что осматривать все подряд.

Красный свет не угасал, он был здесь везде и всюду. Вроде бы, ничего потустороннего, я уже мысленно подобрала три-четыре способа обустроить такое освещение. Но эти рассуждения почему-то не спасали, я сама в них не верила. Я даже не радовалась тому, что настолько хорошо все вижу! Потому что некоторые вещи в этом подвале видеть не стоило. Например, ржавые цепи, невразумительными грудями сваленные на полу. Трубы, упавшие из-под потолка на пол. Каменные колонны со странными выбоинами, оставленными непонятно кем и чем.

Нет, может, я придираюсь, но в обычной школе этого быть не должно! А где должно? Что тут на самом деле, секта какая-то? Я смотрела достаточно сериалов, чтобы знать: не каждая школа – то, чем она кажется. Но мне в этом участвовать не хотелось! Я уже пообещала себе, что, если выберусь отсюда, ноги моей больше тут не будет. И пусть мать с Шатуном меня хоть прибьют!

Так до этого еще нужно дожить, а чтобы дожить – выйти. Тут круг замыкается: выхода не было. Здравый смысл грустно помахал ладошкой и слинял. Я, по всем параметрам, уже прошла столько, что давно должна была выйти за границы школы. Не настолько там большое здание! Но мой путь продолжался, не было лестницы... и у меня никак не получалось найти то место, на которое я упала! Залы, разграниченные пустыми дверными проемами, казались одинаковыми, да не совсем. Того самого, моей отправной точки, больше не было!

Сердце колотилось все быстрее, меня била нервная дрожь, которую я больше не могла унять. Я дышала часто, мелко, да только никакой пользы это не приносило, страх побеждал. Дело было не только в том, что я лишилась даже намека на чувство направления. Это место давило на меня... Оно на меня охотилось! Красный свет делал мир слишком ярким, болезненно четким, как будто двухмерным – нарисованным на бумаге. Воздух стал влажным и холодным, таким дышать сложно, особенно когда задыхаешься. Мне казалось, что где-то совсем рядом, на границе моего зрения, постоянно мелькает движение. Вот кто-то пробежал рядом, но как только я повернула голову в его сторону – никого уже нет! Слишком быстро, слишком тихо, слишком неправильно... люди так себя не ведут. А если не люди, то кто?

Я напоминала себе, что никого, кроме людей, в школьном подвале быть не может. Я держалась за привычную реальность, сколько могла, и все искала выход, даже если больше всего на свете мне хотелось свернуться калачиком на полу и ждать, когда все это закончится. А потом я увидела следы.

В подвале хватало пыли, с этим я уже смирилась. Она ровным толстым слоем покрывала все вокруг, и сложно сказать, сколько она тут скапливалась. Но одно понятно: следы в такой пылюке остаются заметные. Раньше меня спасало то, что никаких следов не было. А теперь вот появились – и они не были человеческими. Передо мной вереницей вились следы какого-то животного, крупного, судя по отпечаткам когтей – хищного. Такого здоровенного, что оно, наверно, раза в четыре больше меня!

И на его следах – ни одной пылинки. Это могло означать только одно: оно было здесь совсем недавно. Оно прямо передо мной, в одном со мной подвале! А мне негде спрятаться в этом проклятом красном свете, нечем защититься, и, если мы с неведомой тварью встретимся, я просто... просто закончусь.

На этом мои попытки сохранить самоконтроль позорно слиняли. Я сорвалась, побежала – без цели, без осторожности, не зная, куда. Я снова видела рядом с собой движение – и оно не позволяло мне остановиться. Мне даже показалось, что, если я замедлюсь, у меня сердце разорвется от ужаса, я сразу почувствую прикосновение чего-то холодного, скользкого, сильного, живого или мертвого – не знаю... И я бежала от него, от образа, который придумала сама, потому что реальность могла оказаться еще сложнее.

Я понимала, что все равно проиграю. Я же не марафонец, чтобы сутками бегать! Я устану, снова упаду, и тогда уже существо, запертое в подвале, не упустит своего шанса... Но моя история закончилась иначе.

Красный свет погас так же быстро и неожиданно, как вспыхнул. Темнота напоминала гигантские челюсти, сомкнувшиеся на мне. Снова не было ни верха, ни низа, ни сторон света, только эта чернь. Я споткнулась, но не упала, а снова полетела – совсем как раньше!

Теперь это закончилось для меня не так плачевно. По глазам ударил свет, новый, яркий, белый. Этот контраст с темнотой был болезненным до слез, но я все равно быстро моргала и упрямо смотрела вперед, чтобы убедиться: рядом нет желающих меня сожрать. Было бы неприятно.

Но нет, повезло. Рядом были мои родители, а они хотели меня скорее придушить, чем сожрать. Хлопотали медсестры. Пахло лекарствами и чистотой. Ребра саднило от ушибов, руку – от капельницы. Но никакой тьмы, пыли и чудовищных следов передо мной, я вырвалась!

Только похвалиться этим успехом не получилось. Когда я спросила, что со мной произошло и как я вообще попала в больницу, оказалось, что не было никакого лабиринта с красным светом. Я грохнулась с лестницы, это заметили, вызвали медиков, доставили меня сюда – и в сознание я, побродившая по подвалу не больше часа, пришла только через три дня.

Такие дела.

2

Я говорила, что невезучая? Говорила. Я это сама прекрасно знаю. Но судьба, или кто там отвечает за такие штуки, как будто хочет лишний раз доказать мне это. Мол, ты думаешь, все плохо? А смотри-ка, бывает еще хуже!

Мое приключение с подвальной лестницей никому, включая меня, радости не принесло. Однако оно хотя бы казалось мне понятным и законченным. Какое тут может быть двойное дно? Фиг там, мне в тот же день, когда я очнулась, это двойное дно на голову вывернули!

Мне объявили, что я пыталась покончить с собой. Когда они сказали это первый раз, прозвучало так дико, что я и слова произнести не могла. Они там офонарели вконец?! Да я о таком даже не думала! Вообще, если бы я попыталась покончить с собой, я бы знала, наверно!

Но нет, у всех был свой взгляд на мою жизнь и поступки.

Чуть оправившись от шока, я попыталась объяснить, как все было на самом деле.

Поссорилась с одноклассниками. Рисковала получить по шапке. А поскольку бегун из меня не очень, я искала темный угол, куда можно забиться и переждать бурю. О подвале я подумывала как раз по этой причине, но, спускаясь туда, оступилась и ласточкой полетела вниз. Про путешествие по залам, залитым красным светом, я благоразумно умолчала, это сейчас не пошло бы мне на пользу.

Да мне ничего на пользу не шло! Меня выслушали, покачали головами и снисходительно заявили, что не нужно стесняться своих проблем. Мне помогут и все такое. Тупиковая ситуация! Кто не сталкивался, тот не поймет. Тебе доказывают истинное значение ТВОИХ мыслей. Как будто отнимают право принимать решения! И бесполезно что-то объяснять, потому что реальных доказательств нет, а словам никто не верит.

Вот еще какая штука... Когда я сталкиваюсь с несправедливостью, особенно такой тупой, могу и расплакаться. Не от страха или обиды, от злости. Сейчас как раз был такой случай, да и я, побитая, синяками покрытая, не в лучшем состоянии. Разревелась. Это, естественно, укрепило всех вокруг в убеждении, что я – трудный подросток, который сам себе может навредить, а потому я недостойна доверия.

Ели честно, я боялась, что это приведет меня прямиком в психушку. Может, и привело бы, да Шатун спохватился. Он же над репутацией своей трясется – будь здоров! Я ему не родная дочь, но я живу в его доме, значит, могу бросить тень на его светлое имя. Поэтому он задействовал какие-то связи, и меня не стали запираить в дурдоме. Но и в покое не оставили.

Раз за меня решили одно, то стали решать и все остальное. Понравилось, видно! Сначала они придумали, что я – самоубийца. Потом даже придумали, почему я решила свести счеты с жизнью. Оказывается, из-за школьных проблем и трудностей с адаптацией! Прикольно. Из всех косяков в моей жизни они выбрали тот, который волнует меня меньше всего. Нет, от перехода в новую школу я не в восторге. Но уж точно не собираюсь бросаться из-за этого с лестницы!

Однако от меня уже ничего не зависело, споры мне только вредили, и оставалось плыть по течению.

Меня еще пару дней подержали в больнице, но скорее для подстраховки, потому что со мной все было нормально. Потом вернули домой, однако не в школу, перевели на домашнее обучение. Временно. Хоть какой-то плюс! Зато обязали ходить к психологу, и это минус.

Я читала достаточно исторических книг, чтобы понять: дома со мной себя начали вести как с прокаженной. Почти. Улыбались издали, говорили мало и только хорошее и стремились поскорее смыться. Это не угнетало: все лучше, чем было раньше. Да и не хотелось мне ни с кем говорить после того, как на меня навесили клеймо самоубийцы (спасибо, блин, большое!).

С психологом говорить тоже не хотелось. Вообще, я к этим ребятам не раз попадала – следствие некоторых событий моей жизни. И всегда мне психологов было жалко больше, чем

им меня. Как правило, это были тетки непонятного возраста, которые очень хотели сказать что-нибудь правильное, но никак не могли придумать, что. Думаю, у них в головах крутилась только одна мысль: как хорошо, что это случилось не с моими детьми! Я из сочувствия вела беседу за них, чтобы они могли поставить в своих графиках галочку напротив проведенного сеанса.

Был еще шанс, что на этот раз все будет по-другому. Вроде как я вся такая несчастная, меня нужно спасать, да? Да, но нет. Мне хватило одного взгляда на назначенную мне тетку, чтобы понять: все будет точно так же, как раньше.

Выглядела она, прямо скажем, не презентабельно. Невысокая, мелкая, она рядом со многими моими одноклассниками сама казалась бы ребенком! Но рядом со мной – нет, потому что я и сама «задохлик» (Шатун как-то сказал). При этом психологиня не была молодой – постарше моей матери. Просто есть такие люди, которые до старости не вырастают, и что с ними делать – непонятно.

Хотя дело было даже не в том, что она не напоминала мне полноразмерного человека. Меня от нее мгновенно отвернуло из-за ее неуверенной, будто наклеенной на лицо улыбки, а еще – из-за взгляда. Какой-то кукольно положительный, заученно доброжелательный. Как сливочным маслом глаза протерли! Нет, я не рванула от нее прочь, я осталась на сеанс, тем более что кресло у нее в кабинете было прикольное – подвесное и похожее на гигантское яйцо. Но откровенничать с теткой я не собиралась.

– Скажи мне, Ульяна, что тебя беспокоит? – промурлыкала она.

Еще одна типичная черта попадавшихся мне психологов. Все они стараются говорить вкрадчиво, задушевно, как будто мы друзья-друзья. Беда в том, что друзья так как раз не говорят.

– Меня беспокоит, что меня объявили самоубийцей, хотя я даже не собиралась, – буркнула я.

– Значит, ты с этим не согласна?

– Уже очевидно, что нет.

– А почему, как тебе кажется, твои близкие это сделали?

– Потому что неадекватны.

Она что-то записала в своем блокноте. Явно не добавляющее мне очков в общей характеристике. Ну и ладно.

– Ульяна, ты считаешь, что в твоей жизни нет трудностей?

– Уж явно не таких, ради которых стоило бы башку разбивать! – смеюсь. Когда я смеюсь, ей неловко, а мне – забавно. Она, видно, настроилась, что я буду рыдать.

– Хм... давай поговорим о твоей адаптации к школе!

– Давайте поговорим.

Не о чем тут говорить, на самом деле, но она не отстанет, а сеанс раньше срока не кончится.

К тому, что в школе будет непросто, я готовилась заранее. Это как бы не сюрприз. Из-за травмы у меня походка, как у пингвина, это, прямо скажем, привлекает внимание. Да и ноги я всегда стараюсь спрятать под одеждой по той же причине. Я ж не дура, смогла просчитать, что кого-то это будет веселить, а кого-то – злить, потому что люди легко злятся из-за всякой непонятной фигни.

Но в моей первой школе все оказалось не так плохо. Ко мне быстро привыкли. Нет, находились те, кто не прочь был поприкалываться, изобразить, как я хожу, и порадоваться своему актерскому дебюту. Вот только тех, кто готов был за такое кривляние втащить, оказалось больше. Меня защищали и поддерживали даже те, кто со мной не дружил. Не знаю, как так сложилось, может, просто повезло? Не все ж мне неудачи огребать!

Так что моя школьная жизнь могла бы быть вполне сносной, если бы на маму не свалилось супружеское счастье в лице Шатуна. А Шатун не желал жить в «нашем убогом районе». Поэтому мама снова заполучила обручальное кольцо и заветный статус чьей-то жены, а я – весь этот гемор...

Нет, со стороны казалось, что Шатун делает мне огромное одолжение. Он снова задействовал свои связи (этот мужик, по-моему, связан со всем городом), чтобы меня перевели в престижную гимназию, где учатся его дети. Этому были дико рады Шатун и мама. На этом список довольных людей закончился. Мне там не нравилось, потому что на меня смотрели, как на чмо. Детям Шатуна это не нравилось, потому что с их точки зрения я чмом и была. Они меня не то что не защищали, они сами порой организовывали травлю на мою голову, чтобы подчеркнуть: они к такому жалкому недоразумению, как я, отношения не имеют.

Обидно, но ожидаемо. Сильно меня никогда не били, так, покоя не давали. Но я уже придумала план, который меня несколько утешал. Я собиралась доучиться годик в престижной гимназии и притопить собственные оценки, чтобы меня вынужденно отчислили. Тогда уже Шатун признает, что я – гиблый случай, и вернет меня в прежнюю школу. Может, мне вообще удастся договориться с отцом и жить у него! Все лучше, чем сейчас. Короче, я была настроена оптимистично и самоликвидироваться не готовилась.

Все это я со скуки попыталась объяснить психологине. Напрасная трата слов. Она смотрела на меня этими своими сливочными глазками, кивала к месту и не к месту, а потом выдала:

– Ульяна, я вижу, что ты закрылась и не готова говорить со мной честно. Ничего страшного, мы к этому придем!

Я натянула вежливую улыбку, такую же фейковую, как у психологини. Ясно, говорить с ней честно нет смысла, к завтрашнему сеансу придумаю, что б такое соврать, чтобы она от меня отстала. Одна радость: пока мы проводим эти сеансы, учебный год проходит, и я вполне смогу вернуться к первоначальному плану.

И снова я рано обрадовалась. С сеанса домой я вернулась на такси – такой был договор у родителей с психологиней. Некоторое время я была одна, в блаженной тишине, сказка просто. А потом вернулся Шатун – маменька ускакала на очередные курсы, я давно уже не слежу, чем она занимается. Само прибытие ее возлюбленного меня не насторожило, мы с ним мастерски друг друга игнорируем. Но сегодня он сразу приплелся ко мне и был суров, что уже не сулило ничего приятного.

У нас с ним не очень хорошие отношения, но это ничего. Как показала практика, у Шатуна со всеми не очень хорошие отношения. Думаю, он даже своим родителям не слишком понравился, и они карательно называли его Михаилом. По крайней мере, я не вижу других причин давать имя Михаил человеку с фамилией Шатун.

Мама, естественно, радостно взяла его фамилию – она вообще не упускает поводов его порадовать. Я наотрез отказалась. Шатуну было пофиг. Он не хотел видеть меня под своей фамилией, но от возможности поиграть в наставника и мудрого отчима не отказывался... к сожалению.

Вот и теперь он смотрел на меня, насупив брови.

– Я говорил с Валентиной Ивановной.

Это психологиня. Я ее имя предпочитаю не запоминать.

– Она сказала, что ты пока отказываешься признавать проблему, – продолжил он.

Я только плечами пожала. В беседе с Шатуном нет правильного ответа ни на один вопрос, его любое слово может обидеть. Вывод? Чем меньше говоришь, тем проще тебе жить.

– Ульяна, так нельзя. Ты должна признать проблему, вылечиться и жить дальше. Так делают здоровые, сильные люди.

– Хорошо, – говорю. Только отстань, отстань, отстань...

Не отстаёт. Он любит поболтать. Сочувствую его подчиненным, Шатун – большой начальник, вообще-то.

– Не думаю, что поняла, а должна бы! Хотя я знаю, почему ты упрямисься. Ульяна, мы все помним, в каком ты положении, и делаем тебе скидку на это. Но нельзя же вечно жить по льготам, девочка моя! Никто не виноват в том, что ты калека. Так ведь сейчас не средневековье! Раз уж ты не можешь стать здоровым человеком, нужно принять это и счастливо жить дальше, а не жалеть себя – или делать такие вот глупости!

Он себя вообще со стороны слышит? Если бы я действительно была в депрессии, мне только такого «утешения» и не хватало бы, чтобы реально сигануть головой вниз! Придурок.

На мою удачу, мало что в этой жизни меня заботит меньше, чем мнение Шатуна. Поэтому я сижу, смиренно опустив голову, и жду, когда он свалит. Лично я не считаю себя ни калекой, ни убогой, а сложности у меня, потому что у некоторых людей не хватает мозгов понять это, только и всего. Ну а чего мне париться из-за отношения людей без мозгов?

Похоже, Шатун наконец-то доволен тем, как он меня вразумил.

– Ульяна, ты все поняла?

– Да.

– Вот и хорошо! Хотя я бы не отказался, если бы ты начала думать чуть пораньше! Нам с твоей матерью и так непросто из-за тебя. Не добавляй нам еще такого позора!

Теперь ему ответ не нужен, ляпнул – и ушел. Оно и к лучшему, потому что я бы уже не сумела ответить правильно.

У всех есть свой предел, и у меня тоже. Я многое могу стерпеть – но не столько сразу! По отдельности и психолог, и Шатун, и даже дебильная новая школа – так себе проблемы. Но тут они навалились на меня все вместе. Как будто мне нравится слушать, какая я убогая и как от меня одни неприятности! Я знала, что из-за Шатуна не нужно расстраиваться, всегда знала, однако он меня все-таки добил. Точнее, просто стал вишенкой на торте всех моих бед, и я разревелась.

Может, нужно было давно, сразу... А из меня только теперь начал выходить тот страх, который я почувствовала еще в красном лабиринте (которого не было). Может, лучше бы был? Это тогда мне казалось, что нужно обязательно бежать к людям. Если задуматься, к кому мне бежать? К матушке, которая на публику делает вид, что не знает меня? К Шатуну, для которого я – благотворительность? К психологине, которой лишь бы гонорар отработать? В красном лабиринте было несладко, но хотя бы честно!

Мне хотелось высказать это кому-то. Зло, глупо, но иногда – надо! Оказалось – некому... Я слышала, как хлопнула дверь, как вернулась мама. Она задержалась, чтобы забрать из школы детей Шатуна. Теперь они считаются и ее детьми... и уж точно попрестижней некоторых будут. Я все ждала, когда она хотя бы заглянет ко мне, но она так и не зашла. Должно быть, с Шатуном меня обсудила и решила, что этого достаточно.

Я передвинула небольшой коврик, лежавший обычно в центре комнаты, под кровать и забила туда же. Не самый умный поступок, я знаю, но мне хотелось. Хотелось забиться подальше, спрятаться, как в детстве, сделать вид, что это я предпочитаю быть одна, а не меня все игнорируют...

Мне захотелось просто исчезнуть.

3

Недолгий сон меня успокоил, но так всегда бывает. Засыпаешь с мыслью, что пора громить и крушить все вокруг. Просыпаешься – и мир уже не кажется таким уж плохим местом. Главное – дотянуть до утра.

Поэтому и я, потягиваясь, была готова принять маман со всеми ее глюками, а Шатуна с его детьми и дальше игнорировать. Плевать, что они обо мне думают, я себе нравлюсь! Мое настроение было прекрасным... но недолго.

Уже выбираясь из-под кровати, я поняла, что что-то не так. Я не безумная фанатка чистоты, и все равно в моей комнате такой пыли никогда не было! У Шатуна на этот счет строгие правила – как и на любой другой.

Но сейчас моя комната выглядела так, будто здесь мешок с мукой взорвался! Причем лет двадцать назад. Я даже засомневалась в какой-то момент, что это действительно моя комната. Присмотрелась – все-таки она, вся мебель на своих местах и вещи – мои, но все это какое-то... старое.

Я прекрасно понимала, что это не может быть старым, однако как не поверить своим глазам? Деревянный стол стал таким дряхлым, что готов был в любой момент превратиться в грудку опилок. Кровать покрылась плотным слоем ржавчины, на котором сохранились редкие хлопья белой краски. Одежда вся ветхая, в плесени, игрушки сгнили... И от этого зрелища меня бросало в дрожь. Что это вообще, почему?!

Я зажмурилась, снова открыла глаза, зажмурилась, открыла... Не помогло. Мир оставался прежним: сумрачным, пыльным и старым. В комнату пробивался серый свет, там, снаружи, был день, но окно вдруг оказалось таким грязным, что я не могла выглянуть на улицу.

Некоторое время я просто осматривала комнату, надеясь, что иллюзия пройдет сама собой. Потом я вспомнила, что рядом должны быть родители и детишки Шатуна. Если такое произошло со мной, то и с ними тоже! Я попыталась позвать их, но тут же поперхнулась пылью, закашлялась, не смогла издать ни звука – и ни звука не услышала. За дверью не было ни голосов, ни шагов!

Когда приступ прошел, я двинулась с места. Усилием воли, на которое раньше, кажется, не была способна. Я не была уверена, что хочу знать, что ждет меня в доме. Но не торчать же тут вечно!

За пределами моей комнаты мираж не заканчивался. Весь дом выглядел так, будто люди ушли отсюда лет сто назад. Просто взяли и ушли – все бросив и обо всем забыв! Вещи остались на своих местах, там же и разрушились. Не было следов спешки или борьбы, не было разводов крови, к моему немалому облегчению. В этом новом мире нас осталось только двое: я и пустота.

И вот ведь какое дело... Я неожиданно поняла, что мне не так уж страшно. Страшно, но не очень. Меньше, чем в красном лабиринте. Там меня охватил невероятный, почти звериный ужас. А сейчас было такое чувство, что я разделилась, раздвоилась, превратилась в двух совершенно разных Ульян. Одна из них тряслась от страха, хотела заплакать и звать маму. Вторая испытывала спокойное любопытство. Как будто не так уж важно, что произошло с моим миром! А поскольку эти две Ульяны соседствовали в одном теле, я шла вперед на дрожащих ногах – но шла ведь!

Скрип древних досок под моим не самым большим весом. Скрежет битых плиток. Каждый звук казался оглушительным, потом что вокруг меня царила странная ватная тишина. Дом был покинут – и все вокруг него тоже. Деревья в саду разрослись до невероятных размеров и форм. Трава сожрала ухоженные газоны, а потом, не насытившись, ринулась на дорожки и их

тоже уничтожила, сухая, острая... Она бы и большую дорогу проглотила, да не смогла, подавилась, просто исчертила асфальт темно-зелеными полосами.

Теперь по дороге шла я. Надо мной было серое небо, как будто низкое, подпрыгни – и дотянешься. Со всех сторон – ветхие дома, безглазые из-за выбитых окон, покосившиеся фонари, исчезнувшие среди дикой зелени заборы. Некоторые стены рухнули, в паре коттеджей просела крыша. Но это уже никого не волновало. Люди исчезли в один миг, и в мире осталась только я.

Это сон. Должен быть сон. Вот в чем я себя убеждала, и только поэтому не паниковала. Я не готова была объяснить самой себе, почему в этом сне я чувствую тяжелый жаркий воздух, почему кашляю из-за вездесущей пыли, почему так остро ощущаю колотый асфальт под босыми ногами... Я лучше буду верить, что это сон, потому что сон может закончиться.

Мир вокруг меня был несомненно мертвым, а в мертвом мире любое движение, любой звук привлекают внимание сразу. Это как нарушение закона почти, даже если законов не осталось.

Вот и я, настороженная, напряженная до предела, мгновенно уловила какой-то шорох за первой линией домов.

Мне не следовало туда соваться, потому что в шорохе, который я слышала, не было ничего цивилизованного. Но чем я рисковала? Если всех людей взяли и стерли, какой смысл мне оставаться? А если не всех, то я должна найти других, я тут долго не выдержу одна!

Но это не значит, что я совсем забыла об осторожности. На этот раз, в отличие от лабиринта, я не неслась вперед перепуганным лосем. Я кралась медленно, выверяя каждый шаг. Я миновала сети высохшего винограда – его ветки теперь больше напоминали металлические канаты. Я прошла через завалы кирпичей и бетонных блоков. По ним я забралась на крышу гаража, рискуя в любой момент свалиться в кусты шиповника с пугающе длинными иглами. Но риск оправдался: отсюда я могла осмотреть почти всю соседнюю улицу, не привлекая к себе внимания.

И хорошо, что я не выперлась туда лично! Потому что шорох, который я услышала, оказался звуком шагов. Но шагали там не люди...

Уже второй раз за сегодня я усомнилась в собственных глазах. Я смотрела на существ, заполонивших улицу, и не понимала, что передо мной. Так ведь просто не бывает! Они напоминали людей – но не настоящих, а карикатурных, искаженных каких-то... У них были маленькие шуплые тельца с короткими ногами и непомерно длинными сухими руками. На шеях, тонких, как спички, непостижимым образом держались головы, размером не уступающие их телам. И вот на головах сходство с людьми точно заканчивалось! Все они были идеально круглыми, белоснежными, как и тела уродцев. Ушей и носа у существ не было, зато были глаза – по одному крупному, полувывающемуся глазу на каждой стороне головы, там, где должны находиться уши. А на месте глаз – ничего, белая пустота. Зато под ней – пасть на половину головы, полная плоских закругленных зубов. Вроде и не клыки, но я чувствовала: если в эту пасть попадет живое создание, живым оно будет недолго.

Уродцы не делали ничего толкового... или я просто не могла их понять. Они сонно бродили по улицам и дворам, но не похоже, что у них была какая-то цель. Иногда они сталкивались, шипели друга на друга и расходились, сородичи их не интересовали. Но самым жутким было то, что их глаза, выпуклые, воспаленные, постоянно двигались, и каждый глаз – в своем направлении. Даже у одного существа глаза двигались по-разному! У меня от этого мурашки шли. Я твердо решила, что не позволю им меня увидеть, даже если кроме них и меня на планете никого не осталось!

Неожиданно что-то изменилось. Причин вроде как не было, и я ничего особенного не делала, однако уродцы вдруг застыли – все одновременно. А потом они, не сговариваясь, бросились в одну сторону. Тут и оказалось, что они, если захотят, двигаются очень даже быстро!

Они шатались, как пьяные, их головы дергались так, будто вот-вот оторвутся, но им самим это было до лампочки. Они обрели цель, вот и все, что было важно. Глаза устремились в одном направлении, чудовищные рты приоткрылись, на зубах заплясали ярко-красные языки... Они охотились, в этом я уже не сомневалась.

Инстинкт самосохранения твердил, что надо валить. Он даже не шептал, он орал мне об этом! Нужно было бежать в другую сторону, а я не смогла, и не только потому, что не знала, есть ли в другой стороне что-то хорошее. Я думала о том, кто станет жертвой этих уродцев. Может, такой же человек, как я! Он еще оставался в этом страшном мире с низким небом... а теперь его не будет! Потому что на него бежит стая голодных злобных тварей, у которых нет имени.

Если бы я увидела их бегущими на меня, я бы умерла на месте. От ужаса. Я бы хотела, чтобы меня кто-то спас! А если нас в мире осталось только двое (вдруг?), теперь я должна была спасти того, неведомого человека...

Шатун бы при таком заявлении рассмеялся, это как пить дать. Его слова о том, что я – калека, до сих пор звенели у меня в памяти. Но они, как ни странно, подстегнули меня, придали решимости. Может, я и не совсем здорова, только это меня не остановит!

И я побежала в ту же сторону, но по другой улице, параллельно стае белых уродцев. При других обстоятельствах они бы слышали меня, заметили, а теперь были так увлечены охотой, что все остальное просто потеряло смысл.

В какой-то момент я упустила их из виду – дома, соединенные гаражами, закрыли их. Мне пришлось прорываться в полуразрушенный коттедж, чтобы из его окон выглядывать на соседнюю улицу. Не самое плохое решение: так у меня оставалось хоть какое-то убежище!

Оттуда, из выбитого окна второго этажа, я снова увидела уродцев – и их жертву.

Мои догадки подтвердились: это был человек. Они окружили его со всех сторон, но пока не победили, просто загнали в один из домов. Через выбитые окна и обвалившиеся стены было видно, что они нападают на него, стараются всем скопом, да условия не позволяют, и приходится по двое-трое. У них не было плана, они, хоть и отдаленно напоминавшие людей, людьми на самом деле не были даже близко. Я видела перед собой стаю голодных животных... нет, монстров. И сколько бы я ни убеждала себя, что так не бывает и монстров не существует, реальность от этого не изменялась.

Мало кто справился бы на месте этого человека – а он смог. Да начать хотя бы с того, что он не поддался шоку от появления этой своры! Может, он знал о странном мире больше моего? Или просто был подготовлен ко всему.

Он неплохо отбрасывал их от себя, драться он умел, да и с силой все в порядке. Он не сдерживался, двигался ловко – подготовленный, значит. Существ он бил всем, что под руку попадется, и работало это неплохо. Они не получали ран и не погибали, как животные, они просто исчезали. Один хороший удар – и уродец взрывается, обращаясь серым пеплом.

Теперь понятно, что за «пыль» покрыла все вокруг...

Хороших ударов у неизвестного мне человека было много. Он двигался так грациозно, что я просто заворуженно наблюдала за ним, даже о страхе позабыла. Сначала мне показалось, что это взрослый мужчина, самый ведь вероятный вариант! Но потом я присмотрелась, разглядела его получше и поняла, что он постарше меня, но совсем чуть-чуть, ему лет восемнадцать, короче, молодой парень, спортивный просто.

Это «присмотрелась», кстати, тоже было странным. Дома, в которых мы укрылись, были расположены далеко друг от друга, слишком далеко. Мне полагалось видеть силуэт – и не более того. Но я наблюдала за ним и с каждой секундой различала все новые черты. Я увидела, что он в грязной рваной одежде – похоже на камуфляж, но не армейский, а так – пародия современных модельеров. Цвет волос разглядеть не смогла, потому что они были покрыты пеплом, из-за этого парень казался седым. Зато я видела, что черты лица у него острые, лисьи, а глаза

светлые – то ли голубые, то ли серые. И даже разницу в оттенке от меня скрыло не расстояние, а то, что он очень много двигался.

У меня всегда было хорошее зрение, но такая зоркость – это уже перебор. Я бы насторожилась, но мое внимание быстро переключилось на нечто гораздо более важное: парень оказался мне знакомым.

Я не знала его имени, провалами в памяти я страдаю не больше, чем жадой самоубийства. Значит, он не из моего класса, там я всех уже запомнила. И он точно не из моих прежних друзей, вот уж кого не забыла бы! Раз я считаю его знакомым, но имени не знаю, значит, мы виделись достаточно часто, но не были представлены. Как такое возможно?

Вспоминать было некогда. Сейчас его паспортные данные меня не очень-то волновали, гораздо большее значение имело то, что он человек, а против него – живая волна монстров! Он их уничтожал умело и успешно, а они просто не заканчивались, лезли из всех щелей. Такой непрекращающийся поток белесых личинок... То, чего не получилось добиться силой, они брали количеством.

Он устал, а они оттесняли его все дальше. Так он оказался на втором этаже, на третьем, потом – на чердаке. По его движениям, по замутненному взгляду было видно, что он чертовски устал... что он и сам понимает: его песенка спета. Рано или поздно он упустит очередного уродца, тогда челюсти сомкнутся и... Всем понятно, что будет тогда. Да, он знал, что обречен, но не сдавался, и это поразило меня, отрезвило, заставило задуматься, как я могу помочь...

Да никак! По крайней мере, без риска для себя. Драться так, как он, я не умею и бегаю не очень. Но ведь и они далеко не спринтеры! Драка – вообще не моя тема, мне только и остается, что отвлечь их. Нет, можно было вообще не высовываться, но такой план я почему-то даже не рассматривала. Я бы себя не простила, если бы у меня на глазах кого-то разорвали на куски!

Мой замысел не отличался гениальностью. Мне нужно было отвлечь на себя хотя бы часть уродцев, увести их в сторону и надеяться, что парень разберется с оставшимися – и что позже мы с ним сумеем найти друг друга. Правда, я понятия не имела, как сама отделаюсь от таких преследователей, но времени на размышления не осталось. Все или ничего!

Я выбралась на площадку, оставшуюся от балкона – лишенную перил, но все еще достаточно крепкую, чтобы я мигом не рухнула вниз. Теперь я могла лучше рассмотреть происшедшее в другом доме, но и уродцы при желании могли заметить меня. Собственно, так и было задумано.

Я сделала глубокий вдох, прощаясь с последними секундами спокойствия, и крикнула:
– Эй, выродки! Сюда! Ко мне!

Прозвучало как-то странно... Я даже не поняла, в чем именно странность. Да и возможно ли вообще нечто странное в мире, населенном такими существами? Но у меня не получилось долго размышлять об этом, и вовсе не из-за того, что в мою сторону ломанулись эти головки. Нет, ситуация просто развивалась не так, как я ожидала... Да такого бы никто не предсказал!

Они меня услышали. Они на мгновение замерли – совсем как тогда, когда услышали свою первую жертву. И я теперь с ужасом ожидала, что они бросятся на меня так же, как бросились за ним – все сразу, ведь все взгляды были устремлены в мою сторону.

И они действительно побежали, но не ко мне, а от меня! Белая волна чудовищ схлынула, разбилась на отдельные ручьи, растеклась по улицам и затерялась в них. Они отступали! Отступали все и сразу, даже не попытавшись напасть на меня. А может... Хм, ведь если задуматься, парень не кричал, даже когда было трудно! Может, крик в этом мире привлекает нечто иное, то, чего на самом деле испугались белые уродцы?

Тогда и мне нужно было бежать! Но прежде, чем я успела спуститься с балкона, я услышала голос того самого парня. Он теперь стоял у пробоины в стене и смотрел в мою сторону.

– Подожди! – позвал он. Похоже, он тоже был напуган, он знал, что приближается. Но он был достаточно благодарен мне, чтобы не смыться мгновенно. – Это снова ты! Снова спасаешь меня и уходишь?

Так, нет, я поспешила с выводами. Он не смелый и не благородный, у него просто кукуха съехала. Да, он показался мне знакомым, значит, мы встречались прежде. Но я совершенно точно помню, что не спасала его! Я вообще никого в этой жизни не спасала. Разве что саму себя, но это не считается.

Так что доверия к себе он не добавил. Он ведь был единственным человеком в этом мире! Да и человеком ли? Что если он тоже уродец, как те, белые? Просто он уродец другого порядка, а я вмешалась в какие-то местные войны...

Я чувствовала нарастающую тревогу. Как странно... Весь этот мертвый мир напугал меня меньше, чем приближение того, чего так боялись белые существа! Я развернулась и бросилась прочь, не рассуждая, насколько это разумно. Я бежала и бежала, не зная, от чего и куда, а все равно опоздала. Сначала я слышала гул, но не успела даже обернуться, как на меня налетел смерч. Ветер был такой, что все сливалось воедино, он ослеплял меня пылью, он стирал все вокруг и мне некуда было спрятаться – и некому было меня спасти. Вот, значит, что почувствовали уродцы!

Я попыталась рвануться вперед – ни на что особо не надеясь, просто от отчаяния. И у меня получилось... Кое-что. Ничего хорошего.

Я резко выпрямилась, а поскольку я все еще лежала под кроватью, это привело лишь к болезненному удару по лбу, снова повалившему меня на ковер. Когда из глаз перестали сыпаться искры и сознание более-менее прояснилось, я обнаружила, что так и заснула под кроватью в своей комнате. Там, куда залезла просто поплакать! Ну а чем объяснить все остальное – уже понятно.

Несмотря на пульсирующую боль во лбу, я рассмеялась. Сон, конечно! Чем еще это может быть? Я даже в этом сне понимала, что все не по-настоящему, да поддавалась той магии, которая только у снов и бывает. А на самом деле не было ни разрушенного города, ни низкого серого неба, ни, тем более, зубастых уродцев и их жертвы. Было только мое разбушевавшееся воображение, на которое лекция Шатуна повлияла таким вот странным образом. Но ночь закончилась, наступило утро, и можно с новыми силами сражаться с той фигней, которая обрушилась на мою жизнь.

Вот с таким позитивным настроением я и выбралась из-под кровати. Комната, естественно, была прежней, чистой, точно такой же, как и всегда. Я приготовилась заняться уроками и забыть свой дурацкий сон, как и следует поступать со всеми дурацкими снами...

А потом я обнаружила, что мои руки и ноги покрыты толстым слоем пепла.

4

– Ульяна, куда подевались твои синяки?!

Мама спрашивала об этом с таким возмущением, будто я потеряла величайшую семейную реликвию. А ведь у нас даже не было семейных реликвий!

Но в этом вся моя мама: непонятное ее пугает, а на испуг она реагирует возмущением. Когда привыкаешь, это уже не бесит. Я была заинтригована случившимся не меньше, чем она, и я тоже не отказалась бы от ответа. Жаль только, что некому было его дать.

В больнице меня неплохо подлечили. Да я сильно и не травмировалась – что бы там ни придумали мама с Шатуном. Но вот синяков я получила по полной и, выписываясь, больше напоминала далматинца, чем человека. Дальше все шло своим чередом: синяки были синими (название обязывает), потом – бурыми, постепенно начали желтеть, светлеть... Они меня не беспокоили, но исчезать им предстояло долго. А тут они вдруг пропали одним махом, все! Мама забеспокоилась. Занервничала. Заподозрила меня в обмане и коварной симуляции, забыв, что в больнице меня осматривали врачи.

У меня не было сил даже обижаться на нее. Я-то знала, что синяки исчезли не «вдруг», все гораздо сложнее. Это было напрямую связано с моим пробуждением после того жуткого сна.

Обнаружив на себе пепел, я была, мягко говоря, не рада. Я принялась осматривать все вокруг, силясь понять, где я могла в нем вывалиться. А нигде! В моей комнате был только один источник пепла: я сама. Уже я вывозила в этой гадости ковер, пол и собственную одежду.

Можно было сколько угодно повторять себе, что так не бывает, что пепел не появляется на коже вот просто так. Легче не становилось. Он есть – верю я в него или нет. А если наличие пепла заметит Шатун, будет еще и скандал. Поэтому вместо мистического ужаса я испытывала только желание разобраться с последствиями. Оно и к лучшему: работа часто помогает отвлечься, успокоиться, взглянуть на все свежим взглядом. Я была сосредоточена на том, чтобы кое-как оттереть ковер и помыть пол. Одежду сразу загрузила в стиралку. Когда следы были замечены, вздохнула с облегчением и отправилась в душ. Вот там я и обнаружила, что синяков больше нет. Они как будто смылись с меня вместе с пеплом!

Я оказалась в какой-то дикой ситуации. Мне нужны были ответы – не для окружающих, для себя... Фиг там! Нет ответов, не существует объяснения тому, что со мной случилось. Я попыталась просто смириться, так нет же, мама решила обвинить меня в том, что я где-то посеяла собственные синяки.

Как здорово быть мной.

На мое счастье, есть кое-что, чего мама боится даже больше, чем странностей: недовольство Шатуна. Не добившись от меня ответов, она нервно покосилась на часы и потребовала, чтобы я надела свитер с длинными рукавами. Конечно, мы ж не хотим беспокоить «Мишеньку»! А уж умираю я или нет – время покажет.

Судя по всему, Шатун был недоволен мной больше, чем обычно. А недовольство мной автоматически переключалось на маму, потому что он, Шатун, к моему сотворению непричастен. Вот она и поторопилась увезти меня к психологу, чтобы лишний раз не напоминать отчиму о моем существовании.

Мы приехали сильно раньше – на полтора часа. Так бывает, когда в панике бежишь из собственного дома. Чтобы загладить откровенный родительский косяк, мама неумело сделала вид, что так и было задумано, и потащила меня в кафе. Потому что, потеряла я синяки или нет, а кормить меня иногда надо.

От этого кафе я ничего особенного не ожидала. Ну, поем и поем, легче на душе не станет. Вот только я не учла, что там на столиках были разложены подростковые журналы, которые

я не читаю, и, по чесноку, считаю напрасной тратой бумаги. Кому они вообще нужны в эпоху интернета?

Но здесь журнал был, а с обложки на меня смотрело знакомое лицо. И тут меня как лавиной накрыло.

Вот он! Вот откуда я его знаю, не помня имени! Мама дорогая... Да я его просто видела – раз сто в рекламе, раз десять в трейлерах каких-то там фильмов. Он популярный, много где мелькает. Будь я чуть внимательней, я знала бы и имя, но теперь вот прочитала в журнале.

Парнем, которого в заброшенном мире пытались сожрать белые уродцы, оказался сам Сергей Речин. А глаза у него все-таки голубые...

Мама заметила нехарактерный для меня интерес к журналу и, понятное дело, истолковала неправильно. Как истолковала бы любая мама.

– Что, понравился? У каждого поколения свои кумиры, я тоже девчонкой на артистов вздыхала... Но этот и правда симпатичный! Даже я его знаю.

Да уж, сложно не знать человека, лицо которого разве что на туалетной бумаге не печатают! Статья в журнале любезно подсказала мне, что Сергей Речин – артист, и модель, и спортсмен, да еще поет где-то там... интересно, крестиком он не вышивает? Есть предел?

Нет, само по себе это не уникально, сейчас не так сложно стать звездой в семнадцать лет, если ты на это заточен. Вопрос в том, что Сергей Речин делал в моей голове. Несмотря на всю эту ситуацию с пеплом и пропавшими синяками, я была склонна верить, что мне просто приснился страшный сон. Но почему такой? Мама ошиблась, я никогда не была фанаткой Сергея Речина, я его видела просто потому, что его смазливую мордашку повсюду использовали, тут хочешь-не хочешь, а увидишь.

Но вот именно он оказался в самом уникальном, пожалуй, сне, который у меня был. ПОЧЕМУ?!

От мамы помощи не добьешься. Я видела, что ей сейчас рядом со мной тяжело (больше, чем обычно), и все ее надежды связаны только с помощью профессионала. Поэтому в положенное время я безропотно пошла к психологине и даже сделала вид, что мне это нравится.

Я устала, я была напугана случившимся, поэтому для разнообразия я решила изменить себе и поверить, что эта робкая тетка способна мне помочь. Я спросила:

– Скажите, а от падения с лестницы бывают галлюцинации?

Ничего лучше я не придумала. В этом хоть какой-то смысл есть! Самые большие странности начались после того, как я колбаской скатилась в подвал. Врачи вроде как обследовали мою многострадальную голову и ничего подозрительного не нашли. Но вдруг они ошиблись? А передо мной, вот, доктор сидит, все стены ее дипломами увешаны. Должна же она что-то знать!

Психологиня, увы, адекватнее не стала. Когда я заговорила о галлюцинациях, она чуть яйцо под себя не снесла.

– Галлюцинации? Ульяна, у тебя галлюцинации начались?!

И по ее переполошенному виду сразу было ясно: стоит мне рассказать про мой сон и пепел на руках, как она посоветует родителям закрыть меня далеко и надолго. Шатуна такая возможность порадует!

Щас, разбежалась. Они так просто от меня не отделаются.

– Нет у меня никаких галлюцинаций, – жизнерадостно соврала я. – Я просто прочитала в интернете, что – теоретически! – бывает после падения с лестницы!

Психологиня облегченно выдохнула.

– Ой, не смотри ты этот интернет! Ничего путного там не пишут, пользы точно не будет.

Можно подумать, она меня прям спасла! Но – ладно, если я решила играть по правилам, буду играть по правилам. Понятное дело, я была немного придавлена всей этой историей, связанной с Сергеем Речиным. Однако не настолько, чтобы совсем уж забыться. Я еще вчера продумала, что нужно говорить этой тетке, чтобы она поскорее от меня отстала. Вот теперь я

начала излагать свои предполагаемые проблемы в школе – половину я вычитала в учебнике психологии, половину беззастенчиво сперла из американского сериала.

Психологиня сериал не смотрела, да и учебник вряд ли читала. Она торжествовала, потому что мои слова стали простыми и понятными, теперь меня наконец-то можно было «вылечить». Когда я закончила изливать душу (по ее версии), она разразилась лекцией, состоящей преимущественно из ошибок и банальностей. «Будь проще и люди к тебе потянутся», «люди обижают тех, кого боятся» и прочая муть. Я слушала ее без интереса, просто от скуки, а смотрела все больше на часы, ожидая, пока эта мозгомойка закончится.

Но часы не желали мне подыгрывать. Часы вдруг пошли назад.

Часы в кабинете были большие, круглые, керамика с перламутром. Стрелки три: часовая и минутная, черные, украшенные какими-то мелкими камушками, и белая, секундная. Я следила за секундной, потому что это придавало визиту к психологине хоть какую-то динамику. Долгое время часы вели себя так, как и положено (прямо как я). Но вдруг секундная стрелка странно дернулась и сделала несколько резких, быстрых шажков назад.

Потом она, словно опомнившись, вернулась к прежнему ходу, и у меня не было никаких доказательств, что это действительно произошло. Я продолжила наблюдать – и не зря! Не прошло и десяти минут, как часы снова начали глючить! Сломались, что ли?

Но это ведь были не единственные часы в комнате! Я стала смотреть то на круглые, настенные, то на стильные металлические часики на руке психологини. Она, увлеченная своей речью, даже не замечала этого. А я ее уже не слушала, все мое внимание было поглощено часовыми стрелками.

Глюк повторился. Когда секундная стрелка на больших часах снова начала пятиться, ее примеру последовала и стрелка на часах психологини. А потом они вместе скакнули на три минуты вперед! Я чуть не заорала от изумления, посмотрела на психологиню, а этой – как с гуся вода. Сидит, вещает себе что-то... Так не пойдет! Раньше всякая фигня мне виделась только во снах, а теперь-то происходящее реально! Мне нужно было больше доказательств, чтобы начать паниковать.

Судьба решила не отказывать мне, и доказательства я получила. Третьими часами, которые изменили привычный ход, стали часы на моем мобильном. Там секундной стрелки не было, цифры просто менялись, начинался обратный отсчет!

Теперь уже сомнений не осталось: с самим временем творилась какая-то чертовщина. Как бы невероятно это ни звучало.

– Вы что, не замечаете? – не выдержала я.

Психологиня замечала только то, как она крута, и моей реплики явно не ожидала. Она напоминала утку, которой внезапно загнали в не самое приятное место апельсин.

– Чего не замечаю? – спросила она.

– Вот, смотрите!

Я указала на часы. По закону подлости им теперь полагалось работать исправно, выставив меня полной дурой. Но нет, через пару минут стрелка снова начала свои танцы – и не только там, на наручных часах и на мобильном тоже! Я не удержалась, радостно пискнула. Психологиня должна была это видеть, она не отрывала взгляд от часов!

Но после моего писка она лишь перевела на меня озадаченный взгляд.

– Что тебя так развеселило, Ульяна?

– Вы не видели?..

– Не видела чего?

Мне не нужно было уточнять, я уже поняла, что – облом. Она действительно ничего не видела! А если я скажу ей, что меня насторожило, какой будет итог? Правильно, чемодан – вокзал – психушка. В другом городе, а желательно – на другой планете, потому что у Шатуна

найдутся связи и там. Когда начинает твориться неведомая ерунда, мало кто кому верит. А если тебе меньше восемнадцати, не верит никто.

Поэтому, как бы стремно мне сейчас ни было, я нацепила уже отрепетированную дурацкую улыбку.

– Там жук был! Вы не заметили? Только что улетел! Такой жучара!

По лицу психологини было видно, какое у нее невысокое мнение о моих интеллектуальных способностях. Но что делать? Быть глупой безопасней, чем быть сумасшедшей.

В целом, она осталась довольна тем, что появился прогресс – по ее версии. Значит, и Шатуну она отчитается с оптимизмом, про жука вряд ли упомянет. А уж я ему правду точно не скажу!

Но с кем-то мне нужно было поговорить. После выкрутасов со стороны стрелок мне казалось, что я действительно схожу с ума – особенно из-за тех снов. Меня это пугало до чертиков, мне хотелось, чтобы меня подстраховали, чтобы можно было кому-то довериться... А кому? Выбор невелик! Шатун отмечается, как и два плода чресел его, живущие в одном доме со мной, я всему семейству не нравлюсь. С моими школьными друзьями (из той школы, что не была похожа на зверинец) мы теперь общаемся меньше, они живут далеко, а по мессенджеру про такое не поговоришь. Папаня сейчас, кажется, на съемках. Кто остается?

Я знала, что мама не захочет этого разговора. Но мы с ней были заперты в одной машине, из-за руля она вряд ли бы выпрыгнула. Пришлось ей вспомнить о родительском долге и с кислой миной согласиться на разговор по душам. Нет, я знаю, что она меня любит, ей просто хотелось бы, чтобы делать это было проще и почетней.

Я и так старалась жалеть ее, поэтому рассказала все без деталей. Упомянула, что в какой-то момент часы, кажется, стали двигаться назад. И что мне снится непонятно что. И что мне, вот если честно, очень страшно.

Мама долго молчала. Это меня немного приободрило: я надеялась, что она подыскивает те самые нужные слова, которые, если верить книгам, знают все родители. Но то ли книги врут, то ли моей маме инструкцию не выдали, потому что первая фраза напоминала лапоть, брошенный в лицо:

– Только Мише всего этого не говори!

А, ну офигеть просто. Я признаюсь родной матери, что, возможно, схожу с ума, а она заботится о душевном равновесии своего мужа.

Снова хотелось плакать, но я помнила, что в прошлый раз это не привело меня ни к чему хорошему. Придется искать другой способ.

– Не скажу, – пообещала я. – Я никому ничего больше не скажу.

– Ты не переживай, – неловко поддержала меня мама. – Ты ведь понимаешь, что лечение только началось? Тебе обязательно помогут! Просто говори доктору про все симптомы – и тебя вылечат. Если что – таблеточки назначат, но пока обойдемся без них.

Там уже таблеточки на горизонте замаячили? Однозначно нужно поменьше болтать!

– Обойдемся без таблеточек, – заявила я.

– Вот и я так думаю! Ты у меня сильная, ты справишься!

А как же! Буду справляться, раз ничего другого не остается.

Но какой бы сильной я ни была, той ночью я никак не могла заснуть. Мне все казалось: как только я закрою глаза, меня опять утащит в какую-нибудь inferнальную дыру! Я ведь так и не разобралась, почему мне примерещился Сергей Речин в обществе каких-то зубастых огрызков. Может, он играл в фильме с похожим сюжетом, я этот фильм видела, теперь вот он мне приснился?... Да нет, маразм! Как и все эти сны.

А совсем не ложиться я не могла, мне даже бессонницу не простят теперь! Где-то после полуночи усталость взяла свое, и я просто отключилась... А утром проснулась спокойной и отдохнувшей.

И в эту, и в следующую ночь я спала без сновидений. Кажется, мое сумасшествие, поиздевавшись над часами, решило оставить меня в покое.

5

На этот раз не было никакого предупреждения. Не то чтобы раньше мне давали подготовиться к этому... Но я хотя бы приблизительно могла понять, что толкало меня в этот бардак! Падение с лестницы там или желание свалиться как можно дальше от Шатуна – в другой мир, например. А на этот раз все было нормально! День прошел более-менее сносно, психологиня была мной довольна, Шатун в кои-то веки занялся своими делами, а не моими, его дети традиционно делали вид, что меня не замечают. Так что спать я отправлялась в хорошем настроении, даже постояла у окна, любуясь золотым светом полной луны. Иногда она бывает вот такой – желтой, как деревенское масло. Теплой как будто. С кружевом узора на сияющем диске. А дальше – все, я уснула!

И вот я снова здесь. Никогда в жизни я еще так четко не ощущала, что нахожусь внутри сна. Потому что ничем иным это и быть не может! Так странно... Обычно сны – они дымчатые какие-то, размытые. Тебе все кажется логичным, и ты даже не задумываешься, что да как. А здесь я сразу поняла, что вернулось погружение в реальность, которой не существует.

Потому что даже если бы меня каким-то мистическим образом похитили из спальни, не разбудив (а сплю я, если что, не как бревно!), меня бы все равно не принесли сюда. Такого места на Земле нет и быть не может.

Я была в лесу, на широкой дороге – протоптанной в земле, без следов камней и асфальта. Таковую дорогу могли создать любые существа, и неразумные тоже. Не то чтоб все дорожные строители представлялись мне такими уж разумными... Ладно, не важно, я отвлеклась.

Главным в моем окружении все равно была не дорога, а лес по обе стороны от нее.

И что за лес! Его образовывали огромные деревья, на фоне которых я чувствовала себя жалким муравьишкой. В жизни я таких не видела, а в интернете самым близким примером можно считать секвойю. Это вот то самое американское дерево, на фоне которого любят фотографироваться туристы, показывая, какое оно огромное и какие они маленькие. Но чтобы обхватить ствол средненькой секвойи, понадобится человек пять-шесть, не больше. Стволы деревьев, которые я видела рядом с собой, потребовали бы человек двадцати. Их стволы были титанами, их кроны упирались прямо в небо – возможно, поддерживали его?

Кстати о кронах... У секвойи колючки, это я точно помню. Как у сосны примерно. А у этих деревьев листва была скорее как у дуба, но не разделенная на отдельные листочки, а как будто слившаяся в гигантские темно-зеленые облака, зацепившиеся за ветви. Так обычно рисуют деревья маленькие дети.

За невысказанно далекими от меня кронами мерцало звездное небо. Оно было поразительно светлым – не фиолетово-черным, как бывает обычно ночью, а светло-синим, как будто краску индиго размешали с молоком. Но на нем все равно четко просматривались звезды – маленькие блескочки, просыпанные из баночки. А среди звезд царственно, величественно праживала Луна...

Другая Луна. Не такая, как я только что наблюдала из окна собственной спальни. Та была круглой и золотой, эта – чуть растянутой и мертвенно-бледной. Да и узор на ней был гораздо сложнее, чем обычное лунное кружево. Как будто там находилось нечто большее, чем равнины и кратеры!

Но на Луну у меня не было времени. Она сейчас волновала меня чуть меньше, чем исполнинский мир, в котором я затерялась. Я снова и снова повторяла себе, что это всего лишь сон, да только поверить не получалось. Внутри меня уже поселилось, нарастая, чувство тревоги.

Нет, понятно, что это сон. Ничем другим и не может быть. Но почему я тогда чувствую ветер? И твердь под ногами? Почему я знаю, что воздух здесь пахнет хвоей, скошенной травой и чем-то сладким, тягучим, как мед? Если мой сон так реален, способен ли он навредить мне?

Я не знала, что делать дальше, никто меня к такому не готовил, и мне оставалось только изучать, ожидая, когда и как это все закончится. Я медленно побрела по дороге, рассматривая деревья и густые травы, опутавшие землю. Мне кажется или?.. Да, сомнений нет: деревья как будто светятся. Не сами по себе, а впитывая свет далекой белой Луны и возвращая его миру.

Зачарованная этим, я подошла поближе, дотронулась до ствола, а потом одернула руку. Мне не было больно или неприятно – я просто была шокирована! Я ведь знаю, какой должна быть на ощупь древесная кора. Да все знают, невелико таинство! Но теперь под пальцами я почувствовала нечто мягкое, гибкое, не теплое, но и не холодное. Больше всего это напоминало... плотный желатин. Самой смешно от такого сравнения, а другое не придумывается.

Деревья как будто были затянuty в такую вот мягкую, податливую пленку. Все без исключения! А за этой пленкой... Мне казалось, что там должна находиться твердь. Твердь ствола, твердь листы, пусть и гибкая. Но, разглядывая деревья, я начинала подозревать, что не все так просто. Их мерцающая оболочка словно сдерживала в себе воду, они были сосудами, наполненными чем-то.

Так не бывает.

Но это же сон!

А если не сон, то я просто сошла с ума, так что лучше уж пусть будет сон.

Убедив себя, что все не по-настоящему, я поверила и в то, что мне ничего не угрожает. Я уже видела, что вдоль дороги все примерно одинаковое: деревья, как стражи, и вязь травы на границе опустевшей земли. Но по сторонам, в лесу, скрывалось нечто большее. Я знала это, догадывалась по шелесту веток и странному мерцанию, вспыхивающему то тут, то там. Ярче, чем свет Луны! Мне хотелось увидеть, откуда оно исходит.

Поэтому я отважно сошла с дороги. Трава под моими ногами оказалась неожиданно мягкой – как шелковые ленты. Идти по ней было легко и приятно, и это чуть уменьшило мою тревогу. Может, лес не так уж опасен?..

Но словно желая доказать мне, что расслабляться рано, прямо передо мной проползла огромная змея. Я и вякнуть не успела, настолько неожиданно она появилась! Говорят, что черный кот переходит дорогу к несчастью? А трехметрового питона не хотите?

При желании эта змея могла бы проглотить меня и переварить, не поперхнувшись. К счастью, такого желания у нее не было, я интересовала ее не больше, чем меня – квантовая физика. Но появление ползучки напомнило мне, что по сторонам нужно смотреть внимательней. Может, это и мой сон, но правила здесь устанавливаю не я.

Отрезвляющий пинок оказался своевременным. Я была настолько заворожена общей магией этого места, что упустила кучу деталей. Как оказалось, зря – и я могла поплатиться за это. Лес, в котором я очутилась, не был необитаем. В траве ползали змеи, наверху, среди крон, метались быстрые ловкие создания, похожие на обезьян, под самыми звездами пролетела одинокая птица... с четырьмя крыльями. Я предпочла верить, что мне почудилось.

Но главным источником жизни здесь все же были растения, а точнее – то, что скрывалось у них внутри. Не важно, во что я готова была верить, во что – нет. Каждое крупное растение здесь было сосудом. Я убедилась в этом, когда на моем пути попался мерцающий куст. Он снова напоминал рисунок второклассника: просто обозначенный зеленым силуэт куста, условный, единый – не разделенный на ветки и листья. А там, внутри, за мутной зеленой пленкой, скрывается вода, в которой плавают крохотные создания, похожие на золотых медуз. Когда они отталкиваются от сплошной толщи воды, их тела вспыхивают, как лампочки, когда расслабляются – сияние гаснет. И каждая двигается в своем ритме, поэтому переlivы внутри их сосуда никогда не прекращаются.

Эти мини-медузы были чудом – но они же были лишь началом. Если большому кораблю – большое плавание, то и море тоже нужно большое. Внутри куста размером с меня жили искорки-медузы. Внутри гигантских деревьев поселились совсем другие создания, в каждом –

свое. Разглядеть их было непросто, потому что не все они светились, да и оболочка деревьев-сосудов не была полностью прозрачной. Но когда я приноровилась смотреть сквозь нее, передо мной открылся новый мир.

Мир внутри мира. Бывает и так.

Я обнаружила крупных хищных рыб с полосатыми спинами и игольчатыми плавниками. Я нечто подобное раньше только в энциклопедиях о доисторическом мире видела! Они жили когда-то – и умерли задолго до появления человека. Но почему-то остались в деревьях.

Внутри других сосудов жили гибкие и ловкие угри. Они извивались плоскими лентами, но, скажу честно, выглядели устрашающе, и мне совсем не хотелось бы встречаться с ними. Были здесь и разноцветные рыбы-фонарики, ящерицы со смешными короткими лапками и даже нечто, похожее на акулу. Оно щелкнуло челюстями у самого моего лица, и я отшатнулась, повалилась на траву. Мне бы испугаться, а мне хотелось смеяться. Здесь все было нереальным – но прекрасным! А раз это сон, мне ничего не угрожает. Я не должна бояться!

Не знаю, сколько времени я провела в лесу. У меня не было цели и мне ничего не хотелось. Думаю, я бы и дальше могла здесь вот так бродить, если бы не услышала голоса.

Настоящие человеческие голоса! Да еще и знакомые. Они казались такими неуместными в мире моей фантазии, что поверить в них было сложнее, чем в рыб, плавающих внутри деревьев. И все же я пошла в их сторону, мне казалось, что здесь ничего не происходит случайно. Раз я услышала, я должна прийти.

Но и доверять всем подряд я не спешила. Вернувшись к дороге, я не вышла на нее, а забралась на одно из деревьев. Даже не знаю, как это получилось у меня так ловко – просто получилось и все! Наверно, внутри сна не бывает иначе.

Наблюдательный пункт вышел отличный, оттуда мне легко было разглядеть две крохотные фигурки, бредущие по дороге. Нет, на сей раз это не были мелкие уродцы, как среди разрушенных улиц. Просто в этом лесу любой человек выглядел игрушкой, на которую деревья смотрели свысока.

Неожиданные путешественницы оказались девушками. Одной было лет восемнадцать, высокая и подтянутая, с огненно-рыжими волосами, остриженными неровно и собранными в короткий хвостик. Кожа у нее была бледной, как у многих рыжих, но разглядеть это едва удавалось из-за пятен грязи, почти скрывавших ее. Рыжая двигалась настороженно, но вполне уверенно. За плечами у нее был большой рюкзак, а в руках она сжимала самодельное копьё – нож, привязанный к крепкой палке.

Копьё! Офигеть просто.

Вторая девушка была постарше, но не принципиально – лет ей было, может, двадцать с небольшим. А может, так просто показалось, потому что она была намного крупнее своей спутницы. Если рыжая пришла в лес в плотных брюках и куртке, то на этой девушке было тонкое платье, не спасавшее ее от ночной прохлады. Самой примечательной ее чертой, пожалуй, были очень длинные светлые волосы, заплетенные в толстую косу. Оружия у девушки не было, она обеими руками вцепилась в дорожную сумку, которую несла на плече, и старалась все время держаться за спину своей спутницы.

Этих двоих я не знала. Я никогда раньше их не видела! Тогда какого черта они делают в моем сне?! Уже то, что туда каким-то образом в прошлый раз влетел Сергей Речин, было нелепо. Но это я хоть кое-как объяснила: видела, запомнила и все такое... Однако этих двоих я не видела никогда в жизни.

Почему мне снятся именно они? Почему не мои друзья, по которым я, откровенно говоря, скучаю? Или новые одноклассники, которых мне хочется поубивать? Зачем мне две какие-то девицы, которые мне – никто?

Я решила не высовываться, наблюдать, потому что мне все это жуть как не нравилось.

– Ты уверена, что нам стоило соваться сюда? – плаксиво поинтересовалась девушка с косой. – В таком огромном лесу и хищники, должно быть, гигантские!

– Далия, отстань, – поморщилась рыжая. – Плавучий лес – еще не худшее место в этом проклятом мире. Другие дороги были хуже!

– Ну, не знаю...

– Не сходи с дороги, и, если нам повезет, все будет хорошо.

Судя по раздражению рыжей, ее спутница ныла уже давно. Да и понятно, почему! Это для меня весь мир – сон, в котором мне ничего не угрожает. Для них все по-другому, я бы тут тоже ныла... Или нет. Не знаю.

Как ни странно, эти двое пугали меня больше, чем доисторические рыбы, плавающие внутри деревьев. Потому что рыбы были откровенной фантазией, которая успокаивала меня своей нереальностью. А эти девушки слишком... нормальные. Достаточно нормальные, чтобы убедить меня, что я нахожусь не дома и даже не сплю.

Поэтому я двигалась по веткам над землей, продолжая наблюдать. Я уже видела, что рыжей нужна тишина – она охотница, она сосредоточена. А девушке с косой, Далии, было так страшно, что молчать она не могла.

– Риза, ты уверена, что там будет поселок? Точно будет?

– Да.

– А вдруг он исчез, как и все остальное?

– Исчезают только люди, – терпеливо пояснила рыжая. – Ты тоже исчезнешь, это нормально. Но все остальное остается неизменным, поэтому запоминай эти долбанные ориентиры вместо того, чтобы пищать тут!

– Зачем мне ориентиры? Я одна в этот лес никогда не сунусь!

– Значит, умрешь, – отрезала рыжая.

– Зачем ты так?..

– Здесь нельзя иначе! Хочешь выжить – запоминай правила.

Еще и правила какие-то появились... Кто б мне их рассказал!

До этого момента рыжая Риза была более-менее спокойна. Да, спутница ее подбешивала, но не настолько, чтобы она потеряла контроль над собой и по-настоящему разозлилась. А тут она вдруг резко остановилась, да так, что Далия врезалась ей в спину.

– Ты чего это? – возмутилась Далия.

Но ответа она не получила – рыжей было не до нее. Риза опустила на одно колено, подняла что-то с земли, однако я никак не могла рассмотреть, что именно.

Далия, стоящая рядом с ней, все рассмотрела, но все равно ничего не поняла.

– Что это такое?

– Шерсть черной гончей, – отозвалась Риза.

Она поднялась на ноги и обеими руками сжала копьё. Она не паниковала, но была напугана так сильно, что даже я чувствовала это. Мне и самой стало не по себе! Риза эта казалась чуть ли не героиней из боевика, опытной и готовой ко всему. Мне вовсе не улыбалось встретиться с существом, которое напугало ее за секунду.

– Разве они здесь водятся? – пискнула Далия. Эта и так боялась, ее пугать было не нужно.

– Они везде водятся. Нет пути, на котором нельзя их встретить.

– Но если она на нас бросится... Ты же справишься с ней?

– Нет. С ней никто не справится. Это дикая, хищная тварь, которая от нас только пятно крови оставит.

Голос Ризы звучал холодно, спокойно даже, но от этого становилось только хуже. Если бы она кричала или плакала, можно было бы поверить, что она поддалась испугу и преувеличивает. Не зря ведь говорят, что у страха глаза велики! Но она не пыталась повлиять на свою спутницу, она говорила о том, что знала наверняка.

Мне невольно вспомнились те чудовищные следы, которые я обнаружила когда-то в подвале. Уж не такое ли существо бродило в темноте рядом со мной?!

А может... Может, это оно и есть? Это никакой не сон, я действительно вторглась в чужой мир, и черная гончая почувствовала меня. На кого спускают собак? Правильно, на нарушителей территории! И если даже Риза, такая сильная, уже знающая правила игры, боится, то что же говорить обо мне?

– Что нам делать? – пролепетала Далия.

– Бежать! – рявкнула Риза. – Бежать, пока она нас не обнаружила! Потому что, если она нас увидит, мы уже не сбежим!

И она тут же сорвалась с места. Далия, как и следовало ожидать, замешкалась, отстала, но не сильно. Жить захочешь – побежишь, и не важно, что у тебя там в школе было с физкультурой!

Возможно, мне не стоило поддаваться этому безумию. Все было нормально, пока я верила, что это мой сон, а значит, мой мир, и у меня все под контролем. Теперь эта вера пошатнулась, в памяти безжалостно всплывали следы когтей в пыли. Что если оно рядом?!

Сталкиваться с этой тварью мне не хотелось, и единственной, кто мог мне помочь, была Риза. Она ведь упоминала про какой-то поселок, она знала, где найти убежище! Да, изначально я не хотела ни с кем знакомиться. Но если альтернатива – встреча с черной гончей, то я уж лучше попытаю счастья с теми, кто хотя бы похож на людей!

Беда в том, что Риза и Далия, двигавшиеся по ровной дороге, успели меня серьезно опередить. Нужно было догонять их, а для этого – спуститься с дерева. Но я торопилась, в панике не рассчитала силы и... Ну, и получила за это. Я пыталась спрыгнуть на нижнюю ветку, а вместо этого угодила в ствол – и ствол меня поглотил.

Все произошло быстро, просто и глупо. Я ударилась о мягкую поверхность с такой силой, что прошла сквозь нее, как сквозь тот самый желатин, с которым сравнивала ее. Кора сомкнулась за моей спиной, и дерево устояло, сосуд остался целым. Но меня это сейчас волновало меньше всего, потому что я была в воде.

Это как оказаться на глубине моря, когда у тебя над головой смыкается толща воды, а поверхности – привет! – не существует. Вообще не существует, некуда плыть! Я даже дыхание задержать не успела, я такого не ожидала...

Моим первым порывом было выбраться обратно через кору. Это же очевидно! Как вошла, так и выходи. Но не тут-то было: с этой стороны поверхность дерева-сосуда оказалась издевательски скользкой. Плюс, упала-то я на нее сверху, а теперь пыталась кое-как выскрестись изнутри. Чуда не произошло: у меня не получилось даже зацепиться за нее, даже задержаться. Внутри дерева существовало собственное течение, и оно относило меня в сторону. Понятно, что само оно появиться не могло. Рядом со мной должно было двигаться нечто очень крупное, чтобы создать такой поток. Но сейчас, вот честно, я не могла даже бояться доисторических рыб. Я думала только о том, что легкие уже горят, я вот-вот задохнусь!

В любой ситуации должен быть выход. Но иногда его просто нет. Я хорошо плаваю – лучше, чем бегаю. Однако теперь даже это не могло меня спасти, я знала, что проиграю, я отчаялась и сделала вдох... Я знала, что это будет конец. И все же это было хоть какое-то действие, а не просто капитуляция с моей стороны!

Вот тут-то мне и полагалось успокоиться с миром, потому что люди, даже самые упрямые, под водой не дышат. И сначала мне действительно было фигово: я закашлялась, через легкие, и без того горевшие, словно электрическая вспышка прошла. А потом... Потом они заработали. Странно, непривычно, тяжело, но я дышала! Вода была вокруг меня – и вода была во мне. Но она меня не убивала! Она как будто приняла меня, позволив остаться внутри. Я плыла по дереву, как по реке, только не в сторону, а вверх. Я видела, что внутри у него листья больше, чем снаружи, и она намного сложнее, и среди этой листвы плавают рыбы, и змеи, и медузы...

Но никто из них не нападал на меня, и я больше не боялась их. Чего мне бояться, если я утонула и не утонула одновременно?

Некоторое время я ничего не делала, только оставалась на плаву и смотрела. Верить, что это всего лишь сон, было все сложнее. Я чувствовала каждую каплю воды в моих легких, я могла в любой момент прикоснуться к чешуйчатому боку рыбы, я двигалась – и все это было реально.

Однако я оставалась здесь гостьей. Даже если меня приняли, а не убили (это тот минимум, который я ожидаю от гостеприимства), я все равно не могла остаться здесь. Раз очевидной поверхности не было, я решила искать ее там, где она обычно бывает, когда ныряешь. Над головой.

Я посмотрела вверх и сквозь мутную воду увидела далекий диск Луны. Он звал меня, словно чертил мне белую дорожку, и я поплыла к нему. Я понятия не имела, смогу ли выбраться, приведет ли это к чему-то. Я даже не думала об этом. Меня как будто звали... домой. И я плыла, не глядя больше на водную зелень и на дивных обитателей этого мира, я видела только лунный свет, думала только о нем...

В нем я и проснулась. Но проснулась я в теплом желтом свете той самой Луны, на которую смотрела из своей кровати. Собственно, в кровати я и находилась, как и должна была, а за окном царила ночь, раз на меня все еще светила Луна.

Тут мне бы и поверить, что это просто сон, как я и предполагала. Мне все приснилось, а на самом деле такого не бывает! Так вот, фиг там. Проснувшись под крышей своей комнаты, в своей сухой кровати, я была мокрой с ног до головы.

6

Сходить с ума – так себе опыт. Если можно избежать, лучше и не начинать. Но мне никто выбора не давал.

Я вот даже с ума не могу сойти как нормальные люди! То, что происходило со мной, нельзя было назвать ни галлюцинациями, ни провалами в памяти... Потому что, вообще-то, вода на моей коже была реальна. И пепел. И исчезнувшие синяки. Это все по-настоящему! Но этого же не может быть ни при каких обстоятельствах. Вот такой вот тупичок.

Я уже пыталась игнорировать это и просто дожидаться, пока все пройдет само собой, а что в итоге? Правильно, я поплавала в дереве. На этот раз обошлось, но я не представляю, к чему приведет меня следующий приступ. Нужно что-то делать.

Тут надо еще отметить, «что-то делать» – это вообще моя главная жизненная философия.

Когда происходит какая-нибудь фигня, всегда есть три возможных выхода.

Первый – не делать ничего. Сдаваться на милость судьбы и ждать, пока само как-нибудь рассосется. Иногда это прокатывает, и проблема действительно решается сама собой, но нужно большое везение. А я ж невезучая – это факт. Поэтому меня дорогое мироздание редко спасает, меня оно скорее накроет медным тазиком.

Второй выход – просить о помощи. Я бы не отказалась, но у меня с этим никогда особо не складывалось. У кого? Моя семья никогда не была по-настоящему дружной. Потом мама и папа решили маршировать своими путями, в которые я плохо вписывалась. Теперь отец вечно занят, а у матери – Шатун. Звучит как диагноз, и не зря. Не то чтобы я совсем им не доверяла, я ж вон пыталась недавно маме рассказать, что со мной творится нечто странное. А закончилось все как обычно: ты там, Яна, хоть умирай, но чтоб отчима не тревожила! Просьба о помощи, обращенная к психологу, чуть не умножила мои проблемы.

Так что третий путь мне милее – разбирайся сама. Я верю, что всегда можно что-то сделать.

Собственно, поэтому я не склонна к самоубийствам и прочей чухне, что бы мне там ни приписали. В любой ситуации можно спросить себя: что теперь делать? Если ответа нет, это еще не значит, что капец. Это значит, что нужно дать себе паузу, выспаться, поесть и задать вопрос снова. Сработает.

Вот и этой ночью, когда я спешно устраняла последствия «заплыва», чтобы никто ни о чем не узнал, мне казалось, что дело – труба. Меня не поймут, сама я не справлюсь, и осталось только плакать над своей судьбой... Я и поплакала чуток, не вижу причин отказывать себе в этом. А потом снова начала думать.

Понять меня не сможет никто, это очевидно. Я бы и сама себя не поняла, если бы не столкнулась с этим лично. У меня не так уж много исходных данных: я то и дело оказываюсь там, где не могу быть. Условно назовем это другим миром, хотя я сомневаюсь, что все так пафосно. Но некое особое пространство существует, и это больше, чем сон, раз я возвращаюсь оттуда с «сувенирами».

Дальше. В период бодрствования я от этого тоже не сильно застрахована. После того случая с часами, изменившими ход, ничего странного со мной больше не происходило, но теперь уже и не расслабишься. Я прекрасно знаю, что это может случиться в любой момент. Не знаю только, что – «это».

Но есть и зацепка: в странном мире была не только я. Это больше, чем фантазия, там есть некие правила! Если бы я только смогла узнать их... Может, тогда и все остальное станет ясно?

Например, почему меня туда периодически утягивает! Я сильно сомневаюсь, что это типичная побочка падения с лестницы.

Сама я не разберусь, надо спрашивать у тех, кто в теме. Я пока видела там трех людей, двое из которых для меня полнейшая загадка. Остается только Сергей Речин. Он там был, я знаю! Но теперь он здесь: я уже погуглила, никуда он без вести не пропадал, жив-здоров, снимается дальше. С ним мне и нужно поговорить.

Вопрос в том, как это сделать. Он ведь звезда, а я, с точки зрения таких, как он, – никто. Не богатая, не знаменитая, да и не супер красивая. Я ведь помню, как меня назвал Шатун! Короче, если бы моя мотивация была чуть послабее, я бы сразу отказалась от этой затеи. Однако на кону была моя жизнь, как бы драматично это ни звучало. Поэтому я должна была поговорить с Сергеем и узнать, как он контролирует свои походы в тот мир – и что это вообще за место.

Узнать, где он сейчас находится, было несложно: он во всех соцсетях об этом трубил. Работа такая. Сергей был занят в съемках фильма, он целыми днями торчал на стадионе, я знала, где это. Не знала только, кто меня туда пустит. В итоге решила поступить так, как велит нам Голливуд: превратить свои недостатки в преимущества... Или что-то типа того.

Фанаток, желавших повидаться с «Тем Самым», у съемочной площадки всегда собиралось немало. Их встречала охрана, безразличная и к девичьим слезам, и к угрозам. Прокрасться мимо них было невозможно, поэтому я с серьезной физиономией направилась напрямиком к главному входу.

Не без подготовки, конечно. Это был тот редкий случай, когда я надела короткую юбку, открывая миру мои искалеченные ноги. Ужасное слово – искалеченные! Но зачем искать другое, красивое, если это подходит? Утка останется уткой, как ты ее ни назови. О том, что ноги мои выглядят пугающе, знают многие, но все реагируют по-разному. Короткая юбка появилась у меня стараниями матушки, которая решила, что мне нужно преодолевать свои страхи, чтобы стать «полноценным человеком». Да уж, гулять, замечая, как в тебя тыкают пальцем, – это обалденно вдохновляет. Так что юбку я зачихала в дальний угол шкафа, уверенная, что она мне не пригодится. А вот поди ж ты – как сложилось!

Но одной юбки было бы недостаточно, поэтому я прихватила с собой костыли. Не мои, кстати. Они появились в доме еще до моего переезда – когда Тимур сломал ногу. Нога с тех пор успешно срослась, костыли стали не нужны, но Шатун на редкость жадный, поэтому подвал его дома забит всякой фигней под соусом «а вдруг когда-нибудь пригодится».

Мне-то костыли не нужны. Ноги у меня страшненькие, походка тоже внушает опасения, но хожу я уверенно и не нуждаюсь даже в тросточке... если, конечно, не нужно давить на жалость.

Так что теперь я подковыляла к охране на костылях и жалостным голосом пролепетала:

– Здравствуйте... Я на встречу с Сергеем Речиным...

– На какую еще встречу? – нахмурился охранник.

Прием не самый дружелюбный, но это уже много, если учитывать, что предыдущих искальщиков внимания Того Самого без слов вышвыривали вон.

– Встречу, которую я выиграла... В соцсетях был конкурс для инвалидов, чтобы встретиться с Сергеем... Победила я...

Тоже вранье, да. Я ни разу не инвалид. Но правильное впечатление – это уже половина дела. Охранники косились на меня с сомнением. Пускать не хотели, потому что ни о каких победительницах конкурсов их не предупреждали. Но и прогнать не могли: это ж какой скандал будет, если они калеку обижают! За такое и премии лишают, а премия подороже совести будет.

Наконец они рассудили (вполне здраво, кстати), что вреда от меня не будет. Меня пропустили на огороженную территорию, к немалой зависти толпы фанаток. Мимо охраны я проковыляла демонстративно медленно, потом ускорила, но костыли на всякий случай не выпускала.

Изнутри стадион неожиданно напоминал лабиринт, и я понятия не имела, куда идти. Всюду сновали какие-то люди, не обращающие на меня внимания. Их логика была проста: раз впустили, значит, надо. Может, я – ценная декорация!

Я уже была готова бродить тут, пока не найду Того Самого, когда ко мне поспешила молоденькая, лет восемнадцати, девушка с бейджиком. Она выглядела такой усталой, будто только что пережила скачки – и она была не жокеем.

– Ты победительница? – спросила она.

Ага. По жизни.

– Я...

– Пошли. У Сергея как раз перерыв, он тебя в гримерке ждет.

А вот это уже офигеть, ребята. Такого поворота я не ожидала. Похоже, Речину сообщили о том, кто к нему пришел. Но почему он принял меня? Почему не велел выпроводить куда подальше? Должен был!

Неужели он знает, кто я такая на самом деле?..

Гримерки для артистов обустроили в комнатах, где обычно переодеваются спортсмены. Там сейчас было сразу несколько столиков для грима, но ждал меня только Сергей Речин. Он сидел на лавке и читал сценарий, но, когда меня привели, прервался, кивнул ассистентке. Она ушла, оставив нас наедине.

Пока я соображала, как начать разговор, заговорил Речин.

– Хвалю, – бросил он.

Сергей рассматривал меня без симпатии, но и без неприязни. Так обычно смотрят на неведомую зверюшку, какую-нибудь обезьянку, привезенную с Мадагаскара. Это лучше, чем та стыдливая жалость, с которой на меня пялятся обычно, но тоже так себе.

– За что? – машинально спросила я.

– За твой план. Ловко ты все провернула. Ко мне многие пытаются пробраться, креатив только так прет! Но ты реально обвела их вокруг пальца, поздравляю. За это тебе приз – поговорим пару минут. Ну и ты попросишь автограф – вы все его просите.

Он был другим. Выражение лица, взгляд, этот скушающий голос коронованного принца... Совсем не то, что я видела в том мире! Ну и конечно, теперь он смотрел на меня без узнавания, как и положено смотреть на незнакомку (да еще и хитрющую). Там же он говорил о том, что я его спасла. Почему он не узнает меня сейчас, хотя должен бы? Или там был не он?

Нет, все-таки он. Внешность уж больно специфическая. Тогда к чему этот цирк? Он артист, он наверняка может изобразить, что мы впервые встретились. Вопрос в том, ради чего. Мы ведь наедине, от кого он прячется?

Как бы то ни было, я не собиралась принимать его снисходительный тон и смотреть на него влюбленными глазами. Я ему не фанатка, я даже имя его узнала только потому, что он каким-то образом обосновался у меня в голове!

– Сказала бы я тебе, куда засунуть твой автограф, да не до того сейчас!

– Ого, ничего себе наезды! – поразился он.

– Я здесь не как твоя фанатка. Я пришла поговорить о том, что случилось в заброшенном городе.

– Каком еще заброшенном городе?

– Там, где появились эти белые существа, и я их спугнула, вспоминай давай!

Теперь он должен был подыграть мне – а точнее, перестать притворяться. Мне казалось, что я упомянула нечто вроде тайного кода, пароля, связывающего нас. Но Речин продолжал пялиться на меня, как баран на новые ворота.

Тут одно из двух. Или ему по каким-то причинам ни в коем случае нельзя говорить о том мире, или он реально не въезжает, о чем я. Вот честно, было больше похоже на второе. Не такой уж он крутой актер, чтобы настолько идеально изобразить непонимание.

Мне нужно было включать задний ход, а я просто не могла. Сергей Речин был моей единственной зацепкой, единственным шансом узнать правила игры! Если он мне не поможет, что же остается? Просто принять безумие? Ждать, пока я погибну в одном из своих снов?

– Но ты должен что-то знать!

– Слушай, киса, ты правда ненормальная? – насторожился он. – Или все еще пытаешься меня впечатлить? Я на такое не ведусь.

– Да какие впечатления? Я тону просто!

– А я тут при чем?

– Ты был там!

– Был где?

– В заброшенном городе! В доме! Ты дрался с ними!

Ему было не смешно и не весело. Я пугала его, как пугают людей откровенные психи.

– Тебе пора идти, а мне – работать, – заявил он.

– Да послушай же ты меня...

– Нечего тут слушать. Или ты уходишь сама, или я вызываю охрану. На этот раз тебя не пожалеют.

Все вышло из-под контроля, и мне хотелось разреветься, но это мою репутацию не укрепило бы. Наверно, нужно было извиниться перед ним и сделать вид, что все это розыгрыш... А я просто не могла. Я слишком боялась того, что будет со мной дальше.

Я не знала, какой выход из этой ситуации будет правильным и есть ли он вообще. Но придумывать мне ничего не пришлось – все решилось за меня.

Сначала из коридора просто донесся шум – удивленные голоса и что-то еще, то, что я сразу и не смогла разобрать. Потом зазвучали крики, испуганные, звук падения тяжелых предметов, а среди всего этого – глухое рычание... и выстрел, точно был выстрел!

– Это еще что такое? – удивился Сергей. – Тоже твоя работа?

– Совсем уже? Я не мировой генерал зла, что я могу сделать?

– Ладно, сиди здесь...

Нас обоих этот шум застал врасплох, и оба мы были напуганы, но я – куда больше Сергея. А он явно был не из тех, кто впадает в истерику, ему нужно было знать, что происходит. Не ожидала такого от телезвезды!

Он направился к двери, но и я не осталась на месте, просто держалась чуть позади. Это дало мне возможность выглянуть в коридор одновременно с Сергеем.

А там царил хаос. И не просто хаос, а полный трюндец! Десять баллов из десяти по моей личной шкале бардака. Люди, которых в съемочной бригаде было немало, в панике бежали прочь, спотыкались, падали, обрушивая все на своем пути. Их это уже не волновало, цель у них осталась одна: спастись.

Нам бы тоже следовало бежать, но мы бы не успели. Те, кто погнал вперед толпу, уже были близко, и это были не люди...

Когда я впервые услышала рычание, мне почему-то показалось, что там, за дверью, мы увидим белых уродцев. Они пришли, они хотят доказать, что на самом деле Сергей врёт, ему все известно! Однако грозившая нам опасность была более привычной, хотя лучше ее это не делало.

Сюда прорвались бродячие собаки. И много! Я всегда знала, что они есть в городе, но никогда не видела их в таком количестве. По коридору носилась целая стая, обезумевшая, озверевшая, готовая броситься на любого, кто окажется на их пути. Можно было сколько угодно повторять, что их не может быть в центре города, они же на самом деле были!

И они увидели нас. Крупная псина, похожая на овчарку, на секунду замерла напротив двери, а потом ринулась в нашу сторону. И было видно, что лает она не просто так... Иногда

говорят, что, если собака громко лает, она не укусит. Ага, десять раз! Я видела, что эта собака порвет горло первому, кто окажется у нее на пути.

Мы бы испытали это на себе, если бы Сергей не успел захлопнуть дверь. С реакцией у него точно все в порядке! У него на подготовку было от силы секунды две, но он справился – я слышала, как щелкнул замок.

Меня это чуть успокоило, Сергея – нет.

– В душевую! – скомандовал он. – Быстро!

– Что?.. Зачем?

– Потому что долго эта дверь не протянет!

Тут он был прав. Дверь в раздевалку была старой, сделанной из тонкого листа фанеры.

Раньше это никого не смущало, у двери была нехитрая роль: спрятать от посторонних глаз голых людей. Фанеры для этого достаточно. Но теперь на нее с той стороны одно за другим налетали массивные собачьи тела, да еще и со звериной яростью, которую сложно представить, не увидев. Сергей прав, скоро они будут внутри. Если интрига и есть, то только в том, что поддастся первым: защелка или фанера.

Так что мы рванули в душевую, причем с одинаковой скоростью, изображать калеку и дальше не было смысла. Дверь душевой была покрепче, но вряд ли архитекторы планировали, что кто-то тут будет спасаться, просто так получилось. Зато эти заразы не предусмотрели никакого замка!

Вот казалось бы: как?! Как можно делать душевую без замка? Оказалось – очень даже можно. Душевая была общая, и кто-то решил, что спортсменам замок не положен, потому что нефиг тут! Но нам это жизнь не упрощало... нам это ее сокращало.

Все то, о чем я думала так долго, Сергей выразил словом, начинающимся на букву «ж». И нет, это была не «жизнь».

– Скажи мне, что это все-таки твои псины и ты можешь их остановить! – взмолился он.

– Я тебе кто, заклинательница псов? Это не мои собаки, они меня съедят вместе с тобой...

Ну-ка открой дверь!

– С ума сошла?!

– Делай!

Если бы я блеяла, как раньше, он бы явно спорил. Но я на него рывкнула – и потому что очень жить хотелось, и потому что злилась на него. Сработало. Ошарашенный, Сергей открыл дверь, выпуская меня обратно в переодевалку.

У собаченек все шло замечательно: со стороны двери летели щепки. Но и я не собиралась задерживаться. Я схватила один из брошенных мной костылей и рванула в сторону душевой.

Как оказалось, вовремя: фанера все-таки пала, и псины с рычанием бросились ко мне.

Для Сергея это стало проверкой на вшивость. Он прекрасно видел, что прямо у меня за спиной – возможная смерть. Человек не может бежать быстрее собаки, и на моей стороне было только преимущество раннего старта. Да и то спасительное расстояние неумолимо сокращалось!

Если бы он хотел гарантировать себе спасение, он мог бы закрыть дверь прямо сейчас. Это не подпустило бы к нему собак – и даже дало бы шанс, что они уйдут, сожрав меня. А я бы ничего не изменила!

Но он поступил иначе. Он не просто дождался меня, а перехватил за руку, втянул внутрь и только потом закрыл дверь. Помогать мне и дальше он не мог: дверь нужно было держать, потому что собаченьки еще не потеряли надежду мною пообедать! Так что Сергей держал дверь, но и я без дела не сидела. Не зря же я рисковала! Я поспешила установить костыль так, что он вполне сносно заменил замок, удерживая дверь закрытой. Ничего больше не подошло бы для этого так идеально: на костыле была резиновая насадка, не позволявшая ему скользить по плитке. Так что, как бы ни старались псины, добраться до нас они не могли.

Мы с Сергеем в изнеможении опустились на пол, опираясь спиной о стену.

– Звездец, а не день, – резюмировал Сергей.

– Не то слово.

– Так что у тебя там за фантазии на мой счет?

– Да не важно уже.

Это и правда казалось неважным. Он не знает, что происходит. Он мне не поможет. Мне придется делать то, что я умею лучше всего: спасать себя самой.

7

Собачки в этот день так никем и не закусили – хоть за это спасибо! Правда, покусали пару человек, но не критично. До нас с Сергеем вообще не добрались. Это мне ожидание показалось вечностью. По факту же, прошло минут двадцать, прежде чем к стадиону съехались спасатели.

Пожарные отогнали собак водой, полицейские рвались кого-нибудь пристрелить, да не сложилось: стая разбежалась так же неожиданно, как и появилась.

Когда нас нашли, медики сразу же окружили Сергея и стали усиленно за него волноваться. Какое-никакое, а достояние нации! Меня же бегло осмотрели, убедились, что я не умру в ближайшие пятнадцать минут, и вышвырнули через черный ход. Я даже попрощаться не успела!

Хотя... не нужно мне с ним прощаться. Когда пройдет шок, он вспомнит, что я ему говорила, снова хамить захочет. Лучше уж без слов!

В общем, впечатлений я хлебнула, а проблему никак не решила. Хорошо еще, что мне удалось скрыть случившееся от родителей. Им я сказала, что после сеанса отправилась на прогулку. Они поверили, потому что им это было не слишком важно.

Я не собиралась сдаваться. Я просто пока не решила, как дальше буду справляться с накачивающим на меня безумием, и взяла паузу, решив разобраться с проблемами поменьше.

Первой из них была психологиня. Я уже наловчилась говорить на ее языке и предугадывать ее реакцию. Я посвятила ей еще пару сеансов, чтобы она почувствовала свою значимость в моей судьбе – такие тетki это любят. Но под конец я убедила ее, что она меня спасла и меня можно возвращать в прежнюю жизнь.

Так что с понедельника мне было дозволено вернуться в школу. Так себе радость, зато Шатун больше за мной не следит. Можно было бы сказать, что все наладилось, если бы не одно большое, громадное прям «но»: я ждала следующего сна.

Не с нетерпением ждала, понятное дело. Но я чувствовала, что это не конец, и это бесило. Я ведь не знала, когда и как меня снова поволочет туда! Каждую ночь я готовилась к худшему – и просто дрыхла.

А потом, вдруг, когда все шло как обычно и не было совершенно никаких причин для беспокойства, меня снова накрыло.

Я даже, кажется, научилась чувствовать, как это происходит... Похоже на засыпание, но не совсем оно. Сознание начинает отключаться, а потом неожиданно, встрепенувшись, снова работает по полной. Ты открываешь глаза – и вокруг немножко апокалипсис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.